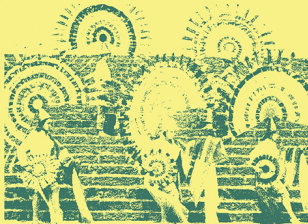

ГИЛЬЕРМО БОНФИЛЬ БАТАЛЬЯ

ГЛУБИННАЯ МЕКСИКА

ОТВЕРГНУТАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

18+

Ad Marginem

Гильермо Бонфиль Баталья

Глубинная Мексика.

Отвергнутая цивилизация

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73818678

Глубинная Мексика. Отвергнутая цивилизация:

ISBN 978-5-908038-41-6

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.

«Глубинная Мексика» (1987) – историко-социологическое эссе этнолога и антрополога Гильермо Бонфиля Батальи (1935-1991). Эта работа – манифест, призывающий пересмотреть устоявшиеся представлений о том, что мы называем национальной культурой, идентичностью и цивилизацией. По мысли автора, Мексика существует одновременно в двух ипостасях. «Воображаемая Мексика» является сконструированным по европейской модели продуктом модернизации – набором образов, далеких от реальной культурной ткани страны. «Глубинная» же, подлинная, укоренена в тысячелетней мезоамериканской цивилизации. Отвергнутая

элитами в пользу «воображаемой», «глубинная Мексика» до сих пор продолжает определять реальную жизнь миллионов людей и судьбу страны. Автор бросает вызов понятию линейного прогресса и предлагает под иным углом взглянуть на цивилизационные альтернативы Мезоамерики, обращаясь к ее неколониальным культурам – отвергнутым, но не забытым.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Предисловие	6
Предисловие ко второму изданию	19
Введение	26
Часть первая	40
I	41
Выковывая цивилизацию	42
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Гильермо Бонфиль Баталья

Глубинная Мексика

Отвергнутая цивилизация

Título original: México profundo. Una civilización negada,
de Guillermo Bonfil Batalla D. R. © 2019, Fondo de Cultura
Económica Carretera Picacho Ajusco 227, 1411 °Ciudad
de México

Esta edición consta de 2000 ejemplares impresos, más libro
electrónico y audiolibro

© ООО «Ад Маргинем Пресс», 2026

Предисловие

Отвергнутая цивилизация как главный герой мексиканской истории

Работа «Глубинная Мексика. Отвергнутая цивилизация» мексиканского антрополога Гильермо Бонфиля Батальи (1935–1991) – не просто исследование прошлого и настоящего одной страны. Это манифест, который требует пересмотра привычных представлений о том, что мы называем национальной культурой, идентичностью и цивилизацией.

Когда книга вышла в свет в 1987 году, Мексика переживала системный кризис: финансовый, вызванный последствиями экономического спада начала 80-х годов, и политический. Президентские выборы 1988 года стали символом краха доверия к политической системе. Впервые правящая с 1929 года Институционно-революционная партия столкнулась с реальной угрозой поражения. В ночь подсчета голосов «упала» электронная система, и это послужило официальным предлогом для приостановки процесса, в то время как побеждал оппозиционный кандидат. Затем систему починили, и последовало «исправление» результатов, только уже в пользу кандидата от правящей партии. Массовые про-

тесты власть проигнорировала, требования пересчета голосов отвергла. Новый президент Карлос Салинас де Гортари вступил в должность с серьезным дефицитом легитимности, но стало очевидно, что авторитарная модель с демократическим фасадом, функционировавшая несколько десятков лет, нуждается в замене. А неудача в проведении свободных и честных выборов явилась катализатором дальнейших изменений в мексиканской политике и поспособствовала росту демократических движений в стране. Стала видимой и более глубокая трещина: обнажилось противоречие между модернизацией, понимаемой как поверхностное заимствование западных технологий и культурных образцов, и повседневной реальностью миллионов обычных граждан, исключенных из этой практики.

Внешне казалось, что современная развивающаяся страна спешит в будущее, однако это будущее было построено на хрупком фундаменте, который сам Бонфиля Баталья называл «воображаемым». Он утверждал: существует не одна, а две Мексики. Одна – «Мексика воображаемая»: официальная, европоцентричная, сконструированная элитами по лекалам Запада. Другая – «Мексика глубинная», укорененная в тысячелетней мезоамериканской цивилизации, отвергнутая, но неисчезнувшая. Эта «отвергнутая цивилизация», по словам Бонфиля Батальи, продолжает определять реальную жизнь миллионов людей и в конечном счете – судьбу страны. Для Бонфиля Батальи это был не только вопрос социального

неравенства, но и вопрос демократии в подлинном смысле – права народа на собственную судьбу и коллективную волю. С момента выхода книги мир стал куда глобальнее, информационные технологии ускорили обмен идеями, однако парадоксальным образом усилили и культурную ассимиляцию, и чувство утраты корней. В этой ситуации правящая элита, носитель «воображаемого» проекта, пыталась навязать обществу образ «современной» Мексики, готовой к интеграции в глобальный рынок. Этот образ был столь же искусственным, как телевизионная реклама тех лет: счастливые светловолосые подростки, пьющие американскую шипучку, или семья: мама-папа-дочь-сын, по виду европейцы, азартно насыпающие в свои тарелки хлопья «Келлогс» на завтрак. И всё это под незатейливую мелодию, а-ля «Тимбириче», детского звездного коллектива, тогда безумно модного. Между тем за этим пластмассовым фасадом скрывалась страна, где миллионы людей жили по законам, рожденным задолго до появления европейцев и американцев. Страна, для которой продуктом питания (кстати, еще и символом космогонии) на самом деле была кукуруза, про которую в рекламе – ни слова. И жителей этой страны стыдливо пытались в лучшем случае игнорировать, в худшем – подогнать под западные шаблоны.

Бонфиль Баталья утверждает, что крайне сложно уничтожить наследие тысяч лет, предшествовавших приходу европейцев на эти земли, однако всего за пятьсот лет были практически утрачены языки, на которых говорили коренные на-

роды, а также была разрушена глубокая религиозность мезоамериканских народов, чьи верования к моменту прибытия европейцев уже насчитывали по меньшей мере более трех тысяч лет. И всё это происходило с неизменным «цивилизаторским» рвением, которое на протяжении пяти веков пронизывало страну. Применялись практики, показавшие, что это «цивилизаторское» в итоге превратилось в безжалостные действия против коренных народов (Бонфиль Баталья прямо называет их этноцидом). Те, в свою очередь, никогда не прекращали бороться за сохранение своих корней, неизменно ставивших их в невыгодное положение по сравнению с «цивилизаторами».

Бонфиль Баталья видел, что этот раскол между «цивилизаторами» и «цивилизуемыми» не исчезнет сам собой. Он предупреждал, что, если не признать «глубинную» цивилизацию как основу национального проекта, Мексика будет обречена на вечную «шизофрению» – разрыв между официальным образом и реальностью. Бонфиль Баталья писал об этом задолго до того, как модными стали термины «деколонизация» и «мультикультурализм». И в этом его дальновидность. Он сумел сформулировать то, что позже станет центральной темой глобальных дискуссий. На фоне процессов глобализации, миграции и унификации культурных стандартов тезис Бонфиля Батальи о том, что будущее возможно только через признание и укрепление собственных глубинных цивилизаций, звучит как предостережение и руковод-

ство к действию.

И действительно, спустя несколько лет после выхода книги история подтвердила правоту Бонфиля Батальи. Первого января 1994 года, в тот самый день, когда вступило в силу Североамериканское соглашение о свободной торговле (НАФТА), которое Мексика заключила с США и Канадой, в штате Чиapas на юго-западе Мексики прозвучали выстрелы. Сапатистская армия национального освобождения, состоявшая преимущественно из индейцев майя под руководством Субкоманданте Маркоса, леворадикального философа и бывшего университетского преподавателя (впрочем, наверняка этого никто не знает), объявила войну мексиканскому государству. Их лозунг «Хватит!» был адресован не только экономической и политической маргинализации, но и культурному унижению тех, кто живет за пределами воображаемой Мексики. Сапатисты требовали права на автономию, на язык, на землю, на собственную цивилизационную траекторию.

Восстание было воплощением того конфликта, который Бонфиль Баталья описал в своей книге: столкновение извечно противостоящих друг другу миров Мексики. Неизвестно, читал ли работу Бонфиля Батальи Субкоманданте Маркос, однако бунт сапатистов стал плотью от плоти той самой «глубинной Мексики», которая подробно рассматривается в работе антрополога. Для мексиканской элиты это событие стало шоком, для мира – напоминанием, что нельзя построить

справедливое общество, игнорируя цивилизационные коды и культурные матрицы, которые продолжают жить под тонкой коркой модернизации.

Бонфилю Баталье уже не довелось увидеть это восстание, показавшее миру уязвимость мексиканского государства во многих аспектах, главным из которых было отсутствие справедливости в отношении коренных народов, представляющих глубинную Мексику. Он погиб в автокатастрофе в Мехико в 1991 году, за год до 500-летнего юбилея, знаменующего появление испанских конкистадоров в Западном полушарии, которое навсегда изменило историю региона. Смерть Бонфиля Батальи совпала с моментом, когда его научное творчество достигло впечатляющей теоретической зрелости, а влияние его работ всё больше захватывало умы молодых антропологов, которые только начинали свой путь.

Впрочем, вполне возможно предположить, что, доживи Бонфиль Баталья до восстания сапатистов, он, вероятно, не только с исследовательским интересом наблюдал бы развитие событий, но и мог покритиковать Субкоманданте Маркоса, который сам, по меткому замечанию одного из моих коллег, пытался в силу своего образовательного и идеологического бэкграунда соединить проект воображаемой Мексики, но не националистической, а уже левого толка, с глубинной.

При этом для Бонфиля Батальи культуры коренных народов не могли быть поняты в рамках марксистской схемы

классовой борьбы, поскольку они «формируют свою историческую перспективу и легитимность вне доминирующей классовой системы в обществе в целом». Вот что он пишет про тех, кто стремится «пробудить сознание масс»:

Они считают себя, подобно другим, единственными обладателями абсолютной истины, избранными для спасения и освобождения народа. Они не пытаются понять глубинную Мексику и не считают это нужным: для них это неправильная реальность, которую надо исправить. Их борьба – не за души, а за сознания, а их доктрина – не религиозная, а «революционная». Некоторые из них умирают в борьбе, но еще больше новообращенных гибнет, пройдя через их учение. Безо всяких суждений о личных мотивах различных миссионеров ясно одно: сознание мексиканцев глубинной Мексики, их убеждения и верования продолжают отвергаться и воспринимаются как чистый лист, на котором каждый считает своим правом и обязанностью написать свое собственное послание.

В конечном счете Бонфиль Баталья остро критиковал и даже обвинял официальную политику в том, что она навязывает коренным культурам чуждые им характеристики и определяет индейца не через его собственную культуру, а в соотношении с национальной (государственной) культурой, что ведет к формированию «ложного самосознания».

Гильермо Бонфиль Баталья не был кабинетным ученым.

Его биография – история жизни человека, который не занимался наукой, а проживал ее как политическую и человеческую позицию. Родившись в 1935 году в Мехико, он учился в Национальной школе антропологии и истории, а затем в Университете Айовы в США. Его путь прошел через академические аудитории, пыльные деревни Чолулы и Чалько, международные конференции и горячие дискуссии в кафе факультета социальных наук Национального автономного университета Мексики. Бонфиль Баталья возглавлял Национальный институт антропологии и истории, создал Музей национальных культур и боролся за то, чтобы культура народа была не витриной, а живым пространством диалога. Он участвовал в Барбадосских встречах 1971 и 1977 годов, где антропологи и лидеры индейских движений провозгласили необходимость освобождения коренных народов от колониального ярма. Он основал Центр антропологической документации Латинской Америки, разрабатывал программы, направленные на поддержку индейских общин.

Так что «Глубинная Мексика» – не просто антропологический очерк, это новая оптика, где автор предлагает мыслить нацию не как механическую сумму граждан, а как живой организм, питаемый множеством корней. Бонфиль Баталья разрушает привычную дихотомию «традиция или модернизация» и утверждает: будущее возможно только тогда, когда проект развития строится на уважении к культурной основе, а не на ее отрицании и отвержении.

Безусловно, с тех пор прошло почти сорок лет, мир изменился и эти идеи устарели. Но достаточно открыть новости, чтобы понять: проблемы, которые поднимал Бонфиль Баталья в своей работе, не только не исчезли – они обострились. То, что он писал о Мексике в 1987 году, сегодня звучит как диагноз всему миру: от Латинской Америки до постсоветского пространства, от Африки до Азии.

Современная Мексика переживает удивительный парадокс. С одной стороны, она успешно стала частью глобальной экономики: крупнейший экспортер автомобилей на континенте, лидер по производству пива, страна, где IT-компании открывают свои центры. С другой стороны, многие мексиканцы до сих пор живут в условиях, которые мало отличаются от реалий XVII века.

Бонфиль Баталья считал, что главная угроза «глубинной Мексики» – это не прямая агрессия, а стратегия «деиндеанизации», то есть постепенного размывания культурных основ через образование, рынок и медиа. Сегодня эта угроза приобрела новые формы. Телевидение и социальные сети создают стандартизированный образ «успешной жизни», к которому должны стремиться все. Миграция в США становится не только экономической необходимостью, но и символом «выхода» из «отсталости». В этом смысле прогноз Бонфиля Батальи звучит как пророчество: если «глубинная Мексика» не будет признана, страна потеряет не только прошлое, но и свое настоящее и будущее.

Да, в последние годы Мексика официально провозглашает курс на «мультикультурность». Конституционные реформы 1992 года, признание страны «многонациональной» в 2001 году, законы об автономии, открытие Университета коренных народов в Мехико – всё это выглядит как несомненный прогресс. Однако реальность остается крайне противоречивой: крупные инфраструктурные проекты реализуются фактически без полноценного согласия общин, земли коренных народов становятся объектом интересов транснациональных корпораций, а традиционные формы управления сталкиваются с давлением «единой правовой системы».

Как сочетаются идеи Гильермо Бонфиля Батальи с политическим курсом нынешней Мексики? На первый взгляд, прогрессивное правительство Клаудии Шейнбаум вслед за своим предшественником Андресом Мануэлем Лопесом Обрадорм апеллирует к народу, обещает вернуть страну к своим корням и славному прошлому. В риторике двух последних президентов звучит уважение к автохтонным культурам, а социальные программы действительно направлены на беднейшие слои. Но парадокс в том, что эта политика нередко воспроизводит ту самую логику «воображаемой Мексики», которую критиковал Бонфиль Баталья.

Не нужно далеко ходить за примерами. Возьмем недавно реализованный инфраструктурный проект «Поезд маяя» – флагманскую инициативу левого правительства Мексики. Официально он подается как двигатель развития полуостро-

ва Юкатан, способный привлечь туристов, создать рабочие места и обеспечить инвестиции. Но для многих общин майя, которые там живут, это выглядит как очередная экспроприация: земля превращается в товар, экосистемы разрушаются, а культурная ткань рвется. Формально власти проводят «консультации», однако правозащитные организации фиксируют давление и манипуляции. В этом конфликте вновь сталкиваются два проекта: один – экономический, ориентированный на глобальный рынок, другой – цивилизационный, укорененный в локальной культуре.

Не менее показателен конфликт вокруг энергетических проектов и добычи полезных ископаемых. Несмотря на декларированное уважение к «мультикультурности», государство продолжает заключать сделки с корпорациями, которые осваивают территории общин без их согласия. Как это называть, если не продолжением той же модели, которую Бонфиль Баталья считал колониальной по сути?

Даже образовательная политика остается пространством борьбы. По официальным данным, в стране сохраняется 68 языков коренных народов, на которых говорят миллионы граждан. Однако эти языки по-прежнему маргинализированы, а их носители чаще всего оказываются на дне социальной пирамиды. С одной стороны, в Мексике развиваются программы билингвального образования. С другой стороны, в Мексике быть индейцем до сих пор означает «быть необразованным нищим неудачником». Индейское прошлое же-

лательно забыть. Выучить английский, выбросить уипиль и попытать счастья на той стороне границы. Статус «модернизированного» человека связывается с отказом от культурных корней. Всё это доказывает: концепция «деиндеанизации», введенная Бонфилем Батальей, не ушла в прошлое.

Для русского читателя эта книга важна по нескольким причинам. Во-первых, она предлагает концептуальный инструмент для анализа обществ, в которых официальная государственная идеология и реальная культурная ткань расходятся. В постсоветском пространстве, как и в Латинской Америке, наследие колониальных и имперских проектов продолжает влиять на идентичность и политику. Во-вторых, работа Бонфиля Батальи – это пример того, как антропологический и исторический анализ может стать основой для политической программы, направленной на признание и укрепление культурного многообразия. В-третьих, книга помогает взглянуть на историю и современность не с позиции центра, а с точки зрения тех, чьи голоса традиционно заглушены.

Бонфиль Баталья не уходит в академический жаргон, его аргументы ясны и образны. Он соединяет анализ с публицистическим пафосом, превращая книгу в манифест, не жертвуя научной точностью и при этом сохраняя концептуальную глубину. Благодаря этому книга уже десятилетия остается настольной не только для антропологов, но и для политиков, активистов, всех, кто пытается понять, как устроены

общества, в которых разнообразие – не исключение, а норма. Читая «Глубинную Мексику», мы не просто встречаемся с Мексикой, а сталкиваемся с вопросом, что значит быть страной, чья память расколота, чья культура не совпадает с официальным образом, чье будущее зависит от того, сумеет ли эта страна признать и оценить свою глубинную сущность. Да и что такое вообще «глубинная культура» и как она соотносится с «воображаемым» проектом, который транслируют медиа и власть? Почему проекты модернизации так часто означают унификацию? И возможно ли построить общее будущее, не превратив многообразие в музейный экспонат?

Гильермо Бонфиль Баталья не дает готовых рецептов. Он оставляет подсказку – мыслить иначе, смотреть через иную оптику. Видеть в культурном наследии не обузу, а ресурс. Слышать голоса тех, кого обычно не слышно. И задуматься о собственных «глубинных» цивилизациях.

Татьяна Русакова

Предисловие ко второму изданию

Всегда есть соблазн внести изменения в текст, когда принимается решение о публикации нового издания. На этот раз я перед ним устоял. Не потому, что считаю эту книгу завершённой, в которой всего хватает и нет ничего лишнего, — напротив, с самого начала я ясно осознавал, что это будет текст, полный вопросов, пробелов и предварительных идей, зачастую едва намеченных и требующих более фундированного обоснования и более глубокой разработки. Вместе с тем я убежден, что преодоление этих ограничений потребовало бы написания совершенно другого произведения. Мне кажется, в ее нынешнем виде эта книга, которую я назвал *«Глубинная Мексика»*, выполняет свое главное предназначение. Возможно, она потеряла бы свою потенциальную ценность в качестве интеллектуального и политического стимула, попытайся я довести аргументы до их логического завершения и выдать категоричные суждения, закрывшие бы на основании моих личных оценок тот спектр альтернатив, который я хотел бы, напротив, раскрыть, чтобы переосмыслить нашу историю, настоящее и будущее: его нам еще предстоит построить. К тому же, и об этом говорилось не раз, у книги собственная жизнь, свой путь, и даже сам автор, поставив точку, уже не имеет права вмешиваться и менять ее. Так что я решил оставить всё как есть.

Однако я воспользуюсь возможностью добавить краткое предисловие и рассмотреть некоторые недавние события с точки зрения общей логики книги. За год с небольшим, прошедший с момента выхода первого издания ¹, страна пережила необычные моменты, особенно если говорить о президентских выборах 6 июля 1988 года. «Страна изменилась», «Мексика уже не та» – в последующие после выборов месяцы эти фразы стали клише. Широкие слои общества были ошеломлены, даже потрясены. Кто с воодушевлением, кто со страхом, но все оказались готовы признать: необходимо пересмотреть представления и убеждения, на которых строился образ страны. То, что произошло 6 июля ², действительно обнажило другую Мексику, по крайней мере, для тех, кто не видит дальше пределов Мексики воображаемой. И этот вопрос повисает в воздухе: где же в конечном счете те рычаги, которые смогли в один момент мобилизовать сотни

¹ Первое издание вышло в 1987 году. – *Здесь и далее – примеч. пер. и науч. ред*

² 6 июля 1988 года в Мексике прошли президентские выборы, на которых за главный пост в стране боролись Куаутемок Карденас от Национального демократического фронта (НДФ) и Карлос Салинас де Гортари от правящей Институционно-революционной партии (ИРП). Впервые в истории Мексики ход голосования отслеживался в режиме реального времени с помощью компьютера и системы вещания. Вечером из-за технических накладок система мониторинга отключилась, после ее починки с опозданием победителем объявили Салинаса де Гортари. Однако сам факт сбоя поставил под сомнение объективность, беспристрастность и прозрачность обнародованных результатов. Население требовало аннулирования выборов, призывая к законности. Это привело к крупным демонстрациям в Мехико в течение всего июля 1988 года.

тысяч живущих в самых разных условиях мексиканцев для выражения ими одновременно и протеста, и возрожденной надежды – дела ранее немыслимого для оппозиции? Сформулируем иначе. До какой степени действительно пробудилась глубинная Мексика: деревни, поселки, кварталы, которые оставались вне воображаемой политической жизни, навязанной той другой, нереальной, но господствующей Мексикой без корней, без плоти и крови?

На мой взгляд, мало кто обратил внимание на один факт, который кажется мне здесь решающим: предложение карденистов ³, несмотря на его расплывчатость и множественные противоречия, было воспринято многими как надежда на возврат назад, неясно, насколько глубоко в прошлое, но всё же назад, к исходной точке. Как надежда на приглашение начать сначала, отступив с уже пройденного пути. Кто-то назовет это реакцией. Но нет, если смотреть с другой стороны, с точки зрения того, кто был поражен в правах, у кого ничего нет и у кого тем не менее пытаются отнять даже это. В такой смене перспективы движение назад – это необходимость, единственный способ наконец-то двинуться вперед по пути, который приведет не к катастрофе, а к выходу. Я бы интерпретировал события последних выборов, следуя основным идеям этой книги, как политическое выражение (проявившееся через поведение избирателей) того, что чув-

³ Коалиция сторонников Национального демократического фронта (FDN), от которого баллотировался Куаутемок Карденас на выборах 1988 года.

ствуют и переживают широкие слои общества: провал модели развития, навязанной с позиции воображаемой Мексики. Возврат назад означал бы возвращение к настоящему, подлинному национализму (неслучайно люди, и даже молодежь, пели национальный гимн с трогательной убежденностью, а вовсе не как формальный, пустой ритуал).

Но есть и другая сторона медали: в немалом числе индейских регионов результаты голосования, напротив, подтвердили традиционное полное господство Институционно-революционной партии. Означает ли это, что именно данные общины – опора системы и наиболее удовлетворены получаемыми благами? Я склоняюсь к интерпретации мексиканского антрополога Артуро Вармана ⁴: они голосовали «вкраткую», то есть исходя из краткосрочных соображений, не связанных с программами политических изменений для моделей будущего общества. Там отданный голос воспринимается, скорее, как средство решить сиюминутные вопросы: в обмен на завершение строительства дороги, школы, подведение водопровода, содействие в оформлении прав на землю и прочие мелкие, но жизненно важные моменты. Всё осталь-

⁴ Артуро Варман (1937–2003) – мексиканский этнолог, социальный антрополог, профессор. В академическом плане исследовал фольклористику и проблемы крестьянства. Занимал важные посты в федеральном правительстве Мексики, в том числе пост министра сельского хозяйства, животноводства и развития сельских районов (1994–1995) в правительстве Эрнесто Седильо. Брат этнолога Эрика Вармана. Лауреат Исследовательской премии Академии наук Мексики (1976).

ное по-прежнему относится к миру «других», навязанному извне, выстроенному Мексикой воображаемой. Партийным структурам предстоит еще долго и упорно копать, чтобы добраться до тех глубин, где скрыты механизмы настоящей политической мобилизации глубинной Мексики. В 1988 году что-то сдвинулось с мертвой точки, но было бы ошибочно и недальновидно полагать, будто с тех пор эта страна (в целом, а не только та ее часть, что имеет голос и лицо) действительно стала другой.

Я не стремлюсь принизить важность недавних социальных и политических процессов. Я лишь хочу встроить их в контекст и дополнить точку зрения, где преобладает централизованное, городское и отчасти элитистское видение и кажется, что всё происходящее вокруг нее происходит везде. Как и во времена Мексиканской революции ⁵, на выборах 1988 года пересеклись самые разные мотивы, возникли ситуативные альянсы, необязательно совместимые друг с другом в среднесрочной перспективе. Но, несомненно, последствия были значимы. Во многих секторах общества пробудилось то, что я бы назвал осознанием несоответствия, то есть сомнение в прежних, казавшихся незыблемыми убеждениях. Обозначилась интеллектуальная открытость, стремление пересмотреть привычные объяснения страны, дополнить

⁵ Мексиканская революция (1910–1917) – период в истории Мексики, начавшийся с восстания против диктатуры Порфирио Диаса (1884–1911) и закончившийся принятием новой конституции.

урезанную картину ее реальности, заново поставить вопрос о будущем. К счастью, догматизм идет на спад. У нас появляется интеллектуальное пространство, более благоприятное для плюрализма. Вопрос лишь в том, сумеем ли мы воспользоваться этим моментом и сделать твердые шаги, чтобы поставить нашу страну на ноги, а не держать ее, как сейчас, вверх тормашками?

Эти новые моменты, пусть и в основном сосредоточенные в рамках Мексики воображаемой, требуют глубокого и актуализированного развития некоторых идей, лишь обозначенных в третьей части этой книги. И, конечно, нужно было бы добавить новые мысли, охватывающие аспекты, которые даже не были упомянуты. Несколько читателей и один рецензент указывали на недостаточность двух заключительных глав. Я полностью это признаю. И намерен продолжать работать над этой темой, хотя и с четким пониманием того, что размышление о нашем будущем – это задача коллективная и индивидуальный вклад, каким бы важным он ни был, всего лишь вклад. Нужно дать старт дебатам, дать им пространство и масштаб, которого они заслуживают. Речь не о полемике с моими идеями (к тому же, как я прямо говорю в тексте, многие из них заимствованы у других, и я использовал их без угрызений совести, чтобы выстроить более широкую аргументацию). Если эти идеи и существуют, то лишь благодаря стремлению понять реальность, а анализировать и обсуждать нужно именно ее: реальность и ее проблемы. Перед

нами стоит вызов воображению, и справиться с ним можно только исходя из подлинного признания нашей действительности. И именно там, разоблачая предрассудки, освобождая наше колонизированное мышление, восстанавливая способность видеть и осмыслять себя самих, мы и найдем центрального героя нашей истории и необходимый элемент нашего будущего: глубинную Мексику.

Г. Б. Б.

Мехико, апрель 1989 года

Введение

Эта книга преследует двойную цель. С одной стороны, она стремится представить панорамное видение повсеместного и многоликого присутствия индейского элемента в Мексике. Индейское – это устойчивость мезоамериканской цивилизации, которая сегодня воплощается в конкретных сообществах (называемых обычно «коренными народами»), но также по-разному проявляется и в других многочисленных общественных сферах. Все вместе они составляют то, что я называю здесь *глубинной Мексикой*. С другой стороны, признав существование глубинной Мексики, я предлагаю аргументы для более широкого размышления, которое должно затрагивать всех мексиканцев: что значит для нашей истории, нашего настоящего и прежде всего для нашего будущего сосуществование здесь двух цивилизаций – мезоамериканской ⁶ и западной?

На первый взгляд может показаться, что размышлять о цивилизационной проблематике несвоевременно: страна переживает тяжелые времена и сталкивается со всевозможными вызовами (экономическими, политическими, социальными), требующими немедленного решения. Перед лицом

⁶ Под Мезоамерикой понимается исторический и культурный регион в границах от Центральной Мексики до Гондураса и Никарагуа. Часто географически отождествляется с понятием Мексики и Центральной Америки.

столь острых требований современности имеет ли смысл задумываться о цивилизации?.. Я убежден, что смысл есть, и очень глубокий. Более того, я утверждаю, что непосредственные проблемы, которые сегодня нас угнетают количеством и масштабами, можно понять лишь частично и фрагментарно (а значит, и решить частично и фрагментарно, и это в лучшем случае), если не рассматривать их в контексте неразрешенной дилеммы: сосуществования двух цивилизаций. Потому что они – это два цивилизационных проекта, два идеала общества, к которым стремятся два разных возможных будущих. Любое решение, которое принимается для изменения курса страны, любой путь, выбранный в надежде выйти из нынешнего кризиса, – это выбор в пользу одного проекта цивилизации и против другого.

Недавняя история Мексики, история последних 500 лет⁷ – это история постоянного противостояния между теми, кто пытается направить страну по пути западной цивилизации, и их противниками, укорененными в мезоамериканском образе жизни. Первый проект возник с приходом европейских завоевателей, но не исчез, когда Мексика обрела независимость. Новые группы, пришедшие к власти, сначала креолы, затем метисы, никогда не отказывались от западного проекта. Они и сейчас не оставляют его. Все разногласия и борьба между ними касаются лишь вопроса, как лучше реализовать проект. Принятие этой модели привело к появлению внут-

⁷ Имеется в виду — с момента прибытия испанцев в Новый Свет в 1492 году.

ри мексиканского общества меньшинства, которое действует согласно нормам, устремлениям и целям западной цивилизации, не разделяемым (или разделяемым, с другой точки зрения) остальной частью нации. Тех, кто воплощает и продвигает господствующий проект в нашей стране, я называю здесь «воображаемой Мексикой».

Глубинная Мексика и воображаемая Мексика конфликтовали на протяжении всех пяти столетий своего существования. Западный проект воображаемой Мексики исключал и отрицал мезоамериканскую цивилизацию, и никогда не существовало точки соприкосновения этих цивилизаций, которая привела бы их к постепенному слиянию и формированию нового проекта, непохожего на них, но при этом вскормленного ими обеими. Напротив, группы, воплощающие мезоамериканский и западный цивилизационные проекты, находятся в постоянном конфликте, порой приобретающем насильственные формы, но непрерывном в своем противостоянии, выражающемся в повседневной жизни, где реализуются основные принципы соответствующих цивилизационных матриц.

Это противостояние происходит не между культурными элементами как таковыми, а между социальными группами, которые несут, используют и развивают эти элементы. Именно эти группы, принадлежащие к двум разным цивилизациям, на протяжении полутысячи лет находятся в постоянной оппозиции, поскольку колониальное происхождение мекси-

канского общества привело к тому, что группы и классы, обладающие властью, одновременно являются носителями и проводниками западного цивилизационного проекта, творцами воображаемой Мексики, в то время как на нижней ступени социальной пирамиды продолжают сопротивляться народы, воплощающие мезоамериканскую цивилизацию, основу глубинной Мексики. Совпадение власти и западной цивилизации на одном полюсе и подчинения и мезоамериканской цивилизации на другом – не случайность, а логичный результат колониальной истории, которую до сих пор не изжила мексиканская нация. Существенная черта любого колониального общества заключается в том, что группа завоевателей, принадлежащая к иной, чем покоренные народы, культуре, идеологически утверждает свое врожденное превосходство во всех аспектах жизни и, как следствие, отвергает и исключает культуру колонизированных. Деколонизация Мексики осуществилась не в полной мере: после получения независимости от Испании внутренняя колониальная структура так и не была демонтирована, потому что группы, удерживающие власть с 1821 года ⁸, никогда не отказывались от западного цивилизационного проекта и не преодолели искаженного, присущего колонизаторам взгляда на страну. Таким образом, различные национальные проекты, в соответствии с которыми предпринимались попытки организовать общество на протяжении всей истории независимой Мекси-

⁸ Мексика получила независимость от Испании в 1821 году.

ки, всегда основывались исключительно на западной цивилизационной модели, в которой нет места реальности глубинной Мексики, она рассматривается лишь как символ отсталости и препятствие, которое нужно преодолеть.

Глубинная Мексика между тем сопротивляется, используя самые разные стратегии в зависимости от обстоятельств угнетения, которым она подвергается. Это мир не пассивный и статичный, а живущий в постоянном напряжении. Народы глубинной Мексики непрерывно создают и воссоздают свою культуру, приспособливая ее к меняющимся условиям, укрепляют свои собственные частные пространства, присваивают чужие культурные элементы, чтобы использовать в своих целях, повторяют коллективные ритуалы, через которые выражают и обновляют свою идентичность; иногда молчат, а иногда бунтуют, следуя стратегии, отточенной столетиями сопротивления.

Сегодня, когда проект воображаемой Мексики рассыпается и трещит по швам, становится жизненно необходимо переосмыслить страну и ее путь развития. Искать выход из кризиса, не принимая во внимание то, кем мы реально являемся и что у нас действительно есть, чтобы двигаться вперед, было бы безответственно и самоубийственно. Мы не можем дальше закрывать глаза на глубинную Мексику. Не можем продолжать игнорировать и отрицать тот потенциал, который представляет собой живая мезоамериканская цивилизация. Нам не следовало бы больше тратить силы и ресурсы на

попытки подменить реальность большинства мексиканского общества, вместо того чтобы создать условия, в которых эта реальность может преобразиться, опираясь на собственный потенциал, созидательную силу, которая не смогла полностью проявиться, потому что колониальное господство ее отрицало и вынудило защищаться ради выживания.

Таким образом, предлагая здесь размышление о цивилизационной дилемме Мексики, имеется в виду необходимость выработать новый национальный проект, который включал бы как активный капитал всё то, что действительно составляет национальное достояние, которое унаследовали мексиканцы: не только природные ресурсы, но и разнообразные способы их понимания и использования, основанные на знаниях и технологиях, которые есть историческое наследие народов, составляющих нашу нацию. Это не только индивидуальный труд миллионов наших соотечественников, но и формы организации труда и потребления, которые продолжают существовать в глубинной Мексике и обеспечивают ее выживание. Не только знания, накопленные с огромным трудом (больше накопленные, чем развившиеся) в рамках западной традиции, но и весь богатый спектр знаний как результат тысячелетнего опыта глубинной Мексики. В конечном счете нам нужно найти способы, чтобы расцвел огромный культурный потенциал отвергнутой цивилизации Мексики, потому что именно с этой цивилизацией, а не вопреки ей, мы сможем построить реальный, наш собственный про-

ект, который раз и навсегда вытеснит проект воображаемой Мексики, демонстрирующий окончательные доказательства своей несостоятельности.

Данная работа состоит из трех частей. В первой части я пытаюсь представить общую картину присутствия мезоамериканской цивилизации в современной Мексике. Это неоспоримое присутствие ощущается в ландшафте, названиях, лицах по всей стране. Чтобы придать этому присутствию историческую глубину, я делаю краткий обзор возникновения и развития мезоамериканской цивилизации до момента европейского вторжения: многое из того, чем мы обладаем сегодня и что будет необходимо для построения будущего, имеет тысячелетнюю историю. Затем я сосредоточил внимание на кратком и сжатом описании мезоамериканской цивилизации в том виде, в котором она живет сегодня в культуре коренных народов. Это попытка выстроить целостный образ вне рамок особенностей, выражающих индивидуальный характер в каждом конкретном случае. В то же время я стараюсь показать внутреннюю согласованность культур мезоамериканского происхождения, которая объясняется тем, что народы, принадлежащие к ним, сохраняют мировоззрение, где содержатся глубочайшие ценности мезоамериканской цивилизации. Это та культурная матрица, которая придает смысл всем их действиям.

Далее исследуется присутствие мезоамериканской цивилизации среди других групп мексиканского общества, кото-

рые не считают себя индейцами. Здесь становится очевидным процесс *деиндеанизации*, то есть утраты первоначальной коллективной идентичности как следствие колониального господства. Однако изменение идентичности необязательно означает утрату индейской культуры. Это подтверждается реальностью традиционных сельских общин, которые идентифицируют себя как метисы. Даже в городах, исторических бастионах колониальной власти, можно обнаружить присутствие индейской культуры, проявляющееся по-разному – от явлений древности (существование индейских кварталов) до современных социальных феноменов (миграция из деревни в город).

Первая часть завершается кратким обзором ситуации в других слоях мексиканского общества, воплощающих «воображаемую Мексику» и продвигающих западный цивилизационный проект. Задача здесь не в том, чтобы дать всеобъемлющий портрет этих групп, а в том, чтобы представить некоторые черты их культуры, в особенности демонстрирующие их противоречивые отношения с глубинной Мексикой, ведь акцент сделан на раскрытии иной стороны огромной части населения, чья жизнь организована вокруг мезоамериканской культурной матрицы.

Созданное таким образом схематичное изображение Мексики показывает нам гетерогенную и плюралистическую страну, в которой сосуществуют культуры, не встроенные в непрерывный континуум развития, то есть это не просто об-

щества, стоящие на разных ступенях одной и той же эволюции. Наоборот, четко вырисовывается разделение между культурными формами двух различных цивилизаций, никогда не смешивающихся, хотя и взаимопроникающих. Связи между этими двумя культурными вселенными соответствуют ситуации господства, когда сектор «воображаемой Мексики» стремится подчинить своему проекту остальное население. Эта цивилизационная дилемма мексиканской культуры и подводит нас ко второй части работы.

Теперь нужно понять, как мы пришли туда, где сейчас находимся, каковы основные линии исторического процесса, приведшего мексиканское общество к отрицанию существенной части самого себя и постоянным попыткам прибегнуть к проекту подмены, а не развития. Я не стремлюсь дать подробное изложение истории последних пяти веков, а лишь выделяю общие тенденции и ключевые моменты, помогающие понять, почему сохраняется внешний, колониальный проект, который хотя и изменился, но по сути остается тем же, каким был с тех пор, как креолы Новой Испании⁹ начали мечтать о независимости, и вплоть до наших дней. Такой избирательный исторический обзор также позволяет понять разнообразные способы угнетения народов мезоамериканского происхождения и их культур в рамках многове-

⁹ Испанская колония в Северной Америке в 1535–1821 годах, в состав которой входили территории современной Мексики, юго-западных штатов США (в том числе Флорида), а также страны Центральной Америки без Панамы.

ковой попытки подчинить их порядку, установленному сменявшими друг друга господствующими группами.

В завершение этого раздела кратко излагается ответ глубинной Мексики на колониальное господство. Формы ее сопротивления были разнообразны: от вооруженной борьбы и восстаний до внешне консервативной приверженности традиционным практикам. Я стремился показать, что все эти способы противостояния – это, в сущности, разные аспекты одной и той же упорной и постоянной борьбы: борьбы каждого народа и всех вместе за право оставаться собой, за решение не отказываться от главной роли в собственной истории.

Заключительная часть посвящена размышлению о нынешнем положении и будущем Мексики на основе сказанного в предыдущих главах. Я стараюсь представить страну, которую мы унаследовали, с двух сторон: с одной стороны, налицо крах модели развития, которая насаждалась раньше с катастрофическими последствиями, и реальная угроза, которую несет попытка ее возможного продолжения, с другой стороны, то, чем мы действительно располагаем и на чем следует строить наше настоящее будущее. Исходя из этих соображений излагаются возможные пути к созданию нового национального проекта, который должен быть встроен в цивилизационный проект, отображающий нашу реальность, а не скрывающий ее. Это наброски к неизбежной и неотложной дискуссии, где на первом плане должен стоять вопрос де-

мократии. Но не демократии формальной, покорно и неуклюже скопированной с Запада, а настоящей, рождающейся из нашей истории и соответствующей богатому и разнообразному составу мексиканского общества. И это тоже цивилизационная проблема.

Эта книга была подготовлена и написана в период с мая 1985-го по апрель 1987 года, и ее написание за это время стало моей основной задачей как сотрудника Центра исследований и высших учебных курсов по социальной антропологии (CIESAS)¹⁰. Первый год я посвятил построению аналитической модели, которая позволила бы яснее подойти к теме и служила связующим звеном, придающим единство всей работе, затрагивающей столь разнообразные аспекты исторической и современной реальности Мексики. Данная аналитическая модель была изложена в эссе «Теория культурного контроля в изучении этнических процессов»¹¹, первая версия которого послужила основой для семинара на ту же тему, проведенного мной в рамках Докторской программы CIESAS с января по октябрь 1986 года. При написании окончательной версии эссе я учел замечания и вклад участников.

¹⁰ Научный центр, основанный в 1973 году Гонсало Агирре Бельтраном, Гильермо Бонфилом и Анхелем Палермом. Первоначально назывался Центром высших исследований Национального института антропологии и истории (CISINAH). В 1980 году в результате реорганизации был преобразован в Центр исследований и высших исследований в области социальной антропологии (CIESAS).

¹¹ Работа опубликована в журнале в 1987 году (см. библиографию к изданию).

Читатель найдет некоторые – только необходимые для пояснения смысла таких терминов, как своя и чужая культура, культурный контроль, процессы сопротивления, присвоения, инновации, навязывания, отчуждения и угнетения, – упоминания о теории культурного контроля в разных разделах этой книги, а также значение, которое я придаю понятиям этнической группы и этнической идентичности. Однако за пределами этих пояснительных абзацев я предпочел не излагать *теорию культурного контроля* подробно, хотя она неявно присутствует в общем подходе всей работы. Я принял такое решение, потому что писал книгу для неподготовленного читателя, для которого теоретические и методологические рассуждения стали бы обременительными и не добавили бы ничего существенного относительно целей, которые я поставил при создании этой работы.

По этой же причине я исключил из текста сноски и точные библиографические ссылки, которые обычно считаются признаками строгости и серьезности, характерными для научных работ. Я решил писать более свободно, не будучи скованным внешними рамками научной деятельности в социальных науках, чтобы более ясно, просто и прямо донести идеи до широкой аудитории, не ограничивающейся кругом читателей, привыкших к академической литературе. Тем, кто заинтересуется углубленным изучением затронутых здесь тем, я прописал в приложении некоторые рекомендации по дополнительной литературе. Это приложение

также выполняет функцию ссылок на основные источники, из которых я почерпнул данные для обоснования видения Мексики, представленного в книге. Только на основные и, возможно, наиболее актуальные, поскольку такая работа, как эта, в конечном итоге представляет собой попытку синтеза множества знаний, полученных из самых разных источников на протяжении многих лет. Попытка точно указать, откуда именно взяты те или иные данные, чтобы подтвердить каждую обобщающую мысль или утверждение, была бы чрезмерно трудоемкой и по сути бесполезной. Специалисты смогут без особого труда выявить частные аспекты, в которых такой глобальный анализ, как этот, может оказаться неточным. Я лишь надеюсь, что основные линии рассуждений, на которых строятся мои аргументы, не будут опровергнуты из-за отдельных неточностей, которых мне вряд ли удалось полностью избежать.

В другом аспекте, идейном, я знаю, что эта книга не является сугубо личным трудом, несмотря на то что в качестве автора указан только я. Это в каком-то смысле коллективная работа. С одной стороны, потому что многие из нас с академической и политической точки зрения уже много лет ощущают необходимость исследовать глубинную Мексику, будучи уверенными, что в ней содержатся ключи и ответы, необходимые для поиска путей к лучшему будущему. Я без малейших угрызений совести заимствовал размышле-

ния, данные и интуицию многих коллег и друзей ¹², идущих тем же путем. Поэтому эта книга также принадлежит и им, хотя никакой ответственности за ее недостатки и ограничения они не несут. С другой, более глубокой и значимой, стороны, эта книга принадлежит миллионам мексиканцев, которые своей жизнью делают возможным существование глубинной Мексики и которые в повседневной практике, мышлении и надежде неустанно обновляют основания, благодаря которым до сих пор возможно верить, что они – носители цивилизационного проекта, а он может стать и нашим общим. У них я стремился учиться. Этот лепет, попытка перевести то, чему я научился, может быть посвящен только им – индейцам Мексики.

Авандáро и Мехико,
1985–1987

¹² В числе тех, кто работал в этом направлении, выделяют Мигеля Леона Портильо, Пабло Гонсалеса Касанову и др. (см. библиографию к изданию).

Часть первая

Отвергнутая цивилизация

Глубинная Мексика состоит из огромного разнообразия народов, общин и социальных слоев, которые составляют большинство населения страны. То, что их объединяет и в то же время отличает от остальной части мексиканского общества, это их особый способ понимания мира и организации жизни, берущий свое начало в мезоамериканской цивилизации, которая сформировалась в ходе длительного и сложного исторического процесса. Современные проявления этой цивилизации весьма разнообразны: от культур, которых индейские народы сумели сохранить с высокой степенью внутренней целостности, до множества разрозненных элементов, по-разному представленных в различных слоях городского населения. Мезоамериканская цивилизация – это отвергнутая цивилизация, чье присутствие необходимо признать.

I

Земля тысячелетней цивилизации

Начнем с основополагающего факта: на территории того, что сегодня называется Мексикой, возникла и развилась одна из немногих оригинальных цивилизаций, созданных человечеством за всю историю, – мезоамериканская цивилизация. Именно оттуда берет начало индейская составляющая Мексики. Она – ее отправная точка и самый глубокий корень.

Каждый школьник знает что-то о доколониальном мире. Великие археологические памятники служат национальными символами. Есть некое конъюнктурное чувство гордости за прошлое, которое в каком-то смысле считается славным, но воспринимается как нечто безжизненное, как предмет исследований специалистов или туристическая диковинка. Прежде всего, оно считается чем-то чуждым. Тем, что когда-то происходило здесь, на этом же месте, где сейчас живем мы, мексиканцы. Единственная связь между *«ими»* и *«нами»* – общее пространство, но в разные эпохи. Историческая связь, преемственность, как правило, не признается. Считается, что та цивилизация в момент европейского вторжения либо была уничтожена, по мнению одних, либо спасена, по мнению других. Всё, что от нее осталось, лишь руины: живые и в камне. Это прошлое мы признаем и исполь-

зуюм как прошлое *территории*, но почти никогда как *свое*: ведь это индейцы, это индейское. И в этих словах уже заложен раскол и ощущается тревожное, разоблачающее чувство превосходства. Но действительно ли это отречение и отрицание прошлого соответствует полному и окончательному историческому разрыву? Умерла ли индейская цивилизация, и всё, что от нее осталось, — лишь окаменелости, обреченные на исчезновение еще пять веков назад, без настоящего, без будущего? Ответ на эти вопросы необходимо переосмыслить, потому что от него зависят многие другие неотложные проблемы и решения в отношении сегодняшней Мексики и той, которую мы хотим построить.

Выковывая цивилизацию

Как и в случае с территориями практически всех стран мира, на нашей земле тысячелетиями возникали, жили и исчезали многочисленные общества, которые в целом можно назвать *народами*. Но в отличие от других регионов здесь существовала культурная преемственность, которая и позволила зародиться и развиваться уникальной цивилизации.

По имеющимся данным, человек живет на землях, которые сегодня принадлежат современной Мексике, уже по меньшей мере 30 000 лет. Группы первобытных людей занимались охотой и собирательством. Некоторые из них охотились на крупных животных, ныне исчезнувших, таких как

мамонты, мастодонты, верблюды и лошади, а другие, вероятно из-за особенностей окружающей среды, добывали мелкую дичь или занимались рыболовством, больше зависев от собирательства. Крупная фауна исчезла с территории Мексики примерно за 7000 лет до нашей эры, возможно из-за климатических изменений, не позволивших ей выжить. От тех кочевых племен остались окаменелости, каменные орудия и оружие, найденные рядом с останками убитых ими животных. Это были кочевники, которым требовались огромные территории для выживания, и они жили в пещерах и временных укрытиях, которые покидали, едва заселившись в них.

Сокращение численности дичи и всё большая зависимость от собирательства, вероятно, повлияли на начало фундаментального процесса: одомашнивания и последующего культивирования растений. Мезоамериканская цивилизация появляется в результате возникновения земледелия. Это был длительный процесс, а не мгновенная трансформация. Земледелие начинает развиваться в бассейнах рек и засушливых долинах Центральной Мексики между 7500 и 5000 годами до нашей эры. В этот период начинают одомашнивать фасоль, тыкву, амарант, перец чили, физалис, гуахе ¹³, авокадо и, конечно, маис. Выращивание маиса стало величайшим достижением и неразрывно связано с мезоамериканской цивилизацией. Одомашнивание этой культуры вызвало самые значительные морфологические изменения среди

¹³ Дерево семейства бобовых.

всех известных растений: его адаптация позволила выращивать эту культуру в самом широком диапазоне климатических условий и высот по сравнению с остальными важными культивируемыми растениями. Но маис не может выживать без участия человека, поскольку початок не имеет механизма для естественного распространения семян, по сути он – создание человека. Человека мезоамериканского. А сам он – человек из маиса, как поэтично говорится в *Пополь Вух*¹⁴ – эпосе, созданном народом майя-киче:

...И так они нашли пищу, и это было то, что вошло в плоть сотворенного человека, созданного человека, это была его кровь, из этого была создана кровь человека. Так вошла кукуруза (в сотворение человека), по желанию Великой Матери и Великого отца. <...> После этого они начали беседовать о сотворении и создании нашей первой матери и отца; только из желтой кукурузы и из белой кукурузы они создали их плоть; из кукурузного теста они создали руки и ноги человека. Только тесто из кукурузной муки пошло на плоть наших первых отцов, четырех людей, которые были созданы¹⁵.

Маис и в целом земледелие не сразу заняли предназна-

¹⁴ Памятник древней индейской литературы, является одним из немногочисленных ранних мезоамериканских текстов. Рукопись была найдена миссионером Ф. Хименесом (начало XVIII века). Вольный перевод на русский язык был сделан К. Д. Бальмонтом (1910). Научный комментированный перевод на русский язык всего текста выполнил Р. В. Кинжалов в 1959 году. См. Пополь-Вух. Родословная владык Тотоникапана. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1959.

¹⁵ Перевод с киче Ростислава Кинжалова.

ченное им центральное место. Первые земледельцы продолжали в основном заниматься охотой и собирательством, используя выращенные продукты в качестве дополнения, хотя и во всё большем объеме. К 3000 году до н. э. жители небольших деревень вблизи Теуакана ¹⁶ получали лишь 20 % пищи из возделываемых культур, 50 % – от собирательства, а остальное – охотой. Тем не менее они уже вели оседлый образ жизни, разнообразили сельскохозяйственные культуры и даже разводили собак для употребления в пищу. Между 2000 и 1500 годами до н. э. завершается процесс оседлости, и выращенные продукты составляли уже половину рациона. Объясняется это тем, что урожайность маиса достигла 200–250 кг с гектара – больше, чем можно было получить с дикорастущих растений. Возникают постоянные деревни, где также начинают изготавливать керамику, изобретенную около 2300 года до н. э. Можно сказать, что мезоамериканская цивилизация начинается именно в это время (1500 год до н. э.). Тогда же на теплых землях на юге Веракруса ¹⁷ зарождается культура ольмеков, считающаяся ее материнской культурой.

Здесь не место излагать даже в общих чертах развитие этой цивилизации от ее истоков до начала XVI века. Это сложный, разнообразный процесс, знание о котором посто-

¹⁶ Город на территории современного штата Пуэбла.

¹⁷ Штат на западе современной Мексики, чья территория тянется с севера на юг почти на 650 км между Восточной Сьерра-Мадре и Мексиканским заливом.

янно пополняется благодаря новым археологическим и историческим открытиям. Достаточно отметить, что специалисты выделяют определенные хронологические этапы, общие в своих чертах для различных регионов Мезоамерики. Так, существует доклассический, или формативный, период, охватывающий промежуток примерно с 2000 года до н. э. и приблизительно заканчивающийся в год рождения Христа. Между 800 и 200 годами до н. э. расцветает культура ольмеков, появляются первые письма, устанавливается календарь, который позже будет усовершенствован другими народами, и создаются монументальные скульптуры, поражающие нас техническим мастерством и пластической гармонией.

Влияние «материнской» культуры распространяется на разные регионы. На севере Веракруса развивается культура Ремохадас, традиции которой продолжит народ тотонаки. Южнее, в Оахаке, зарождается культура сапотеков, а на полуострове Юкатан, предположительно под влиянием ольмеков, формируются истоки майяской культуры. В центральных долинах в это же время интенсифицируется террасное земледелие, развивается строительство каналов и плотин, что стало возможным благодаря социальной организации, называемой археологами теократией. К концу доклассического периода уже были заложены основы мезоамериканской цивилизации, и ее главные культуры начинают свое становление.

С началом классического периода, примерно с 200 года н. э., возникает культура Теотиуакана ¹⁸, которая широко распространилась в течение следующих пяти веков и продолжала оказывать влияние до самого прихода испанцев. Теотиуакан в период своего расцвета, возможно, был самым населенным городом в мире благодаря интенсивному сельскому хозяйству, развитому в центральных долинах мексиканского высокогорья, и сбору дани с покоренных народов. С тех пор центральные долины приобрели важность как политический и экономический центр обширной территории, иногда выходившей за современные границы Мексики.

Могущество центральных долин первоначально основывалось на оптимальном использовании природных условий с применением мезоамериканских аграрных технологий и развитии форм социальной организации, позволявших контролировать многочисленное и рассредоточенное население. Без металлических орудий, без плуга, без использования колеса и тягловых животных была достигнута интенсивная высокоурожайная сельскохозяйственная система при сравнительно небольшом количестве рабочей силы. Озера мексиканской долины использовались для создания чинамп, плавающих огородов с чрезвычайно высокой продуктивностью. Были сооружены крупные гидротехнические системы, чтобы предотвратить попадание соленой воды в пресные источники, а сами озера служили транспортными артериями, об-

¹⁸ Город-государство близ современного Мехико.

легчайшими перемещение людей и товаров между многочисленными населенными пунктами долины. На склонах окружающих долину гор земли обустроивались с помощью террас, строились каналы для более эффективного водопользования. Благодаря своему географическому положению, центральные долины смогли стать точкой пересечения продуктов из климатически разных, хотя и не слишком удаленных друг от друга зон. Постепенно формировалась система обмена между различными экологическими нишами, иногда при помощи военной силы и навязанной политической власти. Эти постоянные связи обогатили одну из важнейших культурных традиций мезоамериканской цивилизации, традицию Центральной Мексики, самыми разными влияниями, включая и те, что приходили из северных пределов мезоамериканского региона через контакт с охотничье-собираТЕЛЬскими племенами Аридоамерики ¹⁹, и те, что часто проникали на юг – то мирно, то воинственно.

Однако не только центр Мексики культурно развивался благодаря интенсивным контактам с другими регионами Мезоамерики. На самом деле все культуры этого ареала поддерживали связи друг с другом, напрямую или косвенно. Так, тольтекская диаспора ²⁰ в конце X века н. э. оказала значительное влияние на отдаленные от великих городов Тулы,

¹⁹ Культурно-исторический регион в доколумбовой Мексике, соответствующий современной территории северной части страны.

²⁰ Кочевые народы Северо-Западной Мексики.

Теотиуакана и Чолулы регионы, вызвав глубокие изменения, например, в майяской области – от Чиапаса до Гондураса и Юкатана. Местные культуры народов, обитавших на периферии развитых центров, имели черты, родственные культурам своих соседей, как, например, у народа майя-ица, занявших город Чичен в 918 году и происходивших от другого майяского народа, чонталей с побережья, где сейчас находится штат Табаско ²¹. Их оригинальная культура несет отпечаток влияния как майя, так и тольтеков. Медленное культурное развитие первых тысячелетий ускоряется в тот момент, когда сельское хозяйство становится основной экономической базой и порождает формы коллективной жизни, которые при всём разнообразии своих черт сохраняют общие элементы цивилизации. Интенсивный и продолжительный контакт между культурами, исторически приобретшими собственный облик, и между народами, создавшими и развивавшими их, сделал возможным укрепление единства мезоамериканской цивилизации. Это общее происхождение признается во многих мифах и традициях различных народов. Примером может служить фрагмент из майяского эпоса *Пополь Вух*

²¹ Штат на юго-востоке современной Мексики, в северной части перешейка Теуантепек.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.